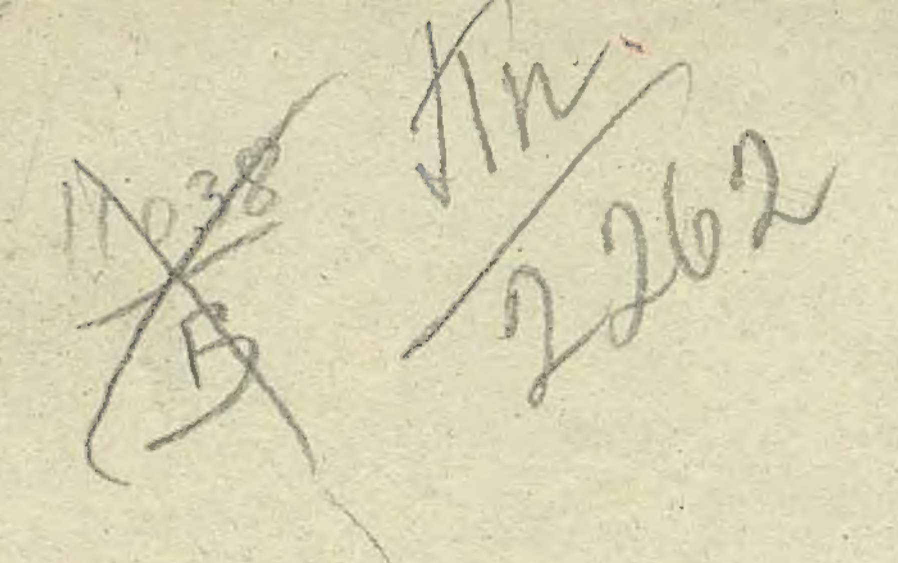

2007231674

О МОСКВѢ.

ПИСАНО

ДЛЯ

ЕГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА.

По препорученію

Г-на Попечителя Московскаго Университета.

Въ несчастное для Россіи время удѣльнаго разновластія, когда Князья кровопролитными междоусобными войнами разоряли и опустошали отечество, лѣтъ чрезъ триста послѣ начала нашей хронологической Исторіи, встрѣчается мимоходомъ въ лѣтописяхъ извѣстіе о существованіи Москвы, бѣднаго городка въ областяхъ Суздальскаго Княженія, въ сторонѣ дикой, безплодной, за лѣсами, вдали отъ мѣста дѣйствія и всѣхъ путей сообщенія, при сліяніи трехъ рѣчекъ, изъ коихъ одна давно покрылась мостовою, другая пересыхаетъ предъ нашими глазами, третья, безсмертная по своему имени, оживляется искусствомъ. Городокъ этотъ былъ не значителенъ до такой степени, что имени его, въ теченіи двухъ сотъ лѣтъ, почти не слыхать въ лѣтописяхъ, развѣ когда случится иному удѣльному Князю, ищущему пристанища, проѣхать чрезъ него нечаянно, или другому замыслить въ немъ какое нибудь тайное предпріятіе, и сговориться украдкою съ

союзникомъ. Онъ переходилъ отъ одного Владимірскаго Князя къ другому, не удостоиваясь даже чести поименованія въ Великокняжескихъ наслѣдствахъ, ни при какомъ случаѣ, вмѣстѣ съ деревнями и селами. Долго не получалъ этотъ городокъ особыхъ Князей, которые искали себѣ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ удѣловъ. Наконецъ уже послѣ покоренія Россіи Монголами, въ періодъ самаго тяжелаго ига, когда число Князей и на Сѣверѣ умножилось, и всѣ лучшіе города были разобраны, когда и Ростовъ и Тверь и Суздаль имѣли уже владѣтелей, и новымъ наслѣдникамъ выбора дѣлать было не-изъ чего, меньшій сынъ Невскаго, Даніилъ, получилъ въ удѣлъ убогую Москву. Вотъ первая степень ея какой нибудь самобытности.

Даніилу предъ концемъ жизни, неознаменованной никакими достопамятными подвигами, въ 1302 году достался въ наслѣдство по завѣщанію отъ племянника Іоанна Дмитріевича *Переяславль*, который былъ гораздо знаменитѣе его собственной Москвы. Можно судить, что же она была тогда въ сравненіи съ Суздалемъ, Ростовомъ, или Рязанью, Владиміромъ. Переяславль такимъ образомъ былъ первымъ пріобрѣтеніемъ Москвы.

Но при самомъ ея нарожденіи ей угрозила опасность, или лучше, неминуемое зло того времени: Даніилъ умеръ (1303), оставивъ пятерыхъ сыновей. Малая область ея должна раздробиться на мѣлкія части, — и

тогда не вырваться Москвѣ изъ ряду столькихъ городовъ мѣлкопомѣстныхъ!

Къ счастію ея, старшій сынъ Георгій, жадный, смѣлый, пылкій, не разборчивый въ средствахъ, тотчасъ пустился вмѣстѣ съ братьями на промыселъ, и въ томъ же году увеличилъ общее отцевское наслѣдство *Можайскомъ*, удѣломъ Смоленскимъ, а въ 1304 году, по смерти Великаго Князя Андрея Александровича, вздумалъ искать себѣ Владиміра, вопреки правамъ дяди, Михаила Ярославича Тверскаго: мысль дерзская и беззаконная, — но этою мыслію онъ положилъ первый камень въ основаніе будущаго величія Москвы, и поколебалъ самую Тверь.

Твери, по всѣмъ разсчетамъ и соображеніямъ, выпадалъ въ это время жребій пріобрѣсти первенство въ Сѣверной Россіи, и въ самомъ дѣлѣ этотъ городъ, при двухъ большихъ судоходныхъ рѣкахъ, Тверцѣ и Волгѣ, въ сосѣдствѣ съ Новымъгородомъ, Смоленскомъ и Псковомъ, вдали отъ Монголовъ, возпользовался своимъ положеніемъ, и въ короткое время пришелъ уже въ цвѣтущее состояніе, какъ вдругъ его Князю, старшему въ родѣ Ярослава II, приходится быть Великимъ Княземъ Владимірскимъ. Какая блистательная будущность! Георгій помѣшалъ Твери; начавъ неравную борьбу съ нею, онъ какъ будто предупредилъ неизбѣжное ея покушеніе, напалъ впередъ, чтобъ не обороняться послѣ, и пустилъ неожиданный вопросъ на рѣшеніе обстоятельствъ: кому

быть: Москвѣ или Твери. Воздадимъ честь Георгію! Этого мало. Онъ своей жизнію и смертію вызвалъ такія происшествія, которыя погубили совершенно Тверь во мнѣніи Ханскомъ, и очистили путь Москвѣ къ возвышенію.

Георгію послѣ многихъ неудачъ удалось наконецъ въ двухъ-лѣтнее пребываніе при дворѣ Ординскомъ снискать благосклонность Узбека, жениться на его сестрѣ, и получить Великое Княженіе Владимірское. Мстительный, онъ еще напалъ съ помощію Монголовъ на Тверскія владѣнія. Михаилъ, уступившій безъ прекословія Владиміръ, по повелѣнію Ханскому, не могъ снести равнодушно разоренія своей отчины, сразился, побѣдилъ его, и взялъ въ плѣнъ сестру Ханскую, которая къ его несчастію умерла въ Твери. Обнесенный Георгіемъ, Тверской Князь былъ за то лишенъ жизни въ Ордѣ.

Чрезъ нѣсколько времени однакожъ непостоянный Узбекъ отдалъ Великое Княженіе сыну его, Димитрію. Георгій прибылъ снова въ Орду для поправленія своихъ дѣлъ, и нашелъ себѣ смерть: вспыльчивый сынъ Михаиловъ, встрѣтясь съ нимъ въ Ордѣ, не могъ увидѣть хладнокровно убійцу своего отца, и умертвилъ его почти предъ глазами Ханскими. Тверской Князь, дерзнувшій на такое самоуправство, былъ казненъ.

Толпы грабителей подъ благовиднымъ предлогомъ бросились на Тверь, а Князь ея Александръ, опасаясь участи отца и братьевъ,

вмѣстѣ съ жителями, между которыми разнесся слухъ о намѣреніи обращать въ Мугамеданскую вѣру, рѣшился съ отчаянія истребить Монголовъ: всѣ они были перебиты, остальные вмѣстѣ съ предводителемъ, близкимъ родственникомъ Узбековымъ, сожжены. Узбекъ воспылалъ гнѣвомъ на несчастный городъ, который въ третій разъ оказалъ свою строптивость. Поступокъ Тверитянъ показался ему началомъ возстанія всей Россіи, — онъ рѣшился наказать ихъ примѣрно, и вопросъ „кому быть" рѣшился отчасти: Твери не бывать.

Кому же поручить наказаніе Твери? Ханы сами уже отвыкли отъ предводительства войсками; всего надежнѣе, вѣрнѣе — наслѣдственному врагу Твери, брату умерщвленнаго Георгія, знакомому уже въ Ордѣ; Іоанну, жившему тогда въ Москвѣ. Призванный Іоаннъ радъ былъ порученію, которое утоляло его жажду мщенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ открывало виды на Великое Княженіе. Онъ пошелъ съ Монгольскимъ войскомъ на беззащитную Тверь, опустошилъ ея города, заставилъ Князя Александра спасаться бѣгствомъ, и успокоенный Ханъ, довольный его ревностною службою, въ знакъ благодарности даетъ Московскому Князю Владиміръ, а всѣ Князья получаютъ приказаніе его слушаться.

Важная минута въ Исторіи Москвы, которой Князь дѣлается Великимъ Княземъ. Но гдѣ будетъ жить онъ?

Ему слѣдуетъ по примѣру своихъ предковъ переѣхать во Владимiръ. И тогда какая польза останется Москвѣ отъ славы первыхъ ея Князей? Никакой: она снизойдетъ на чреду удѣльныхъ городовъ, Дмитрова, Волоколамска, Звѣнигорода, ей теперь равныхъ, — она сдѣлается пригородомъ Владимiрскимъ. Рѣшительный выборъ!

Iоаннъ остался жить въ Москвѣ, гдѣ онъ родился и воспитывался, гдѣ лежали его отецъ и братъ, гдѣ онъ недавно похоронилъ Святаго Митрополита Петра, который по особенной къ нему привязанности переѣхалъ къ нему жить изъ Владимiра, и завѣщалъ построить храмъ Успенiя. Еще великiй вопросъ рѣшился: сѣменемъ Россiи быть Москвѣ.

Думалъ ли Iоаннъ, что избранное имъ мѣстопребыванiе, Москва, находится въ равномъ разстоянiи (180—200 верстъ) отъ Твери, Ярославля, Владимiра, Суздаля, Рязани; Калуги и Тулы, воротъ къ городамъ Сѣверскимъ и Малой Россiи, и граничитъ съ Смоленскимъ Княженiемъ? Думалъ ли онъ, что Москва находится въ средоточiи всѣхъ важныхъ Княженiй Русскихъ того времени, и можетъ до нихъ именно рукой доставать? Нѣтъ, онъ не думалъ этого: такiя государственныя мысли не принадлежатъ его вѣку, а между тѣмъ самъ Петръ, окинувъ орлинымъ взглядомъ всю Россiю того времени, не могъ бы выбрать мѣста выгоднѣе для бу-

дущаго единодержавія, для созрѣющаго лѣтъ чрезъ двѣсти Государства.

И такъ Москва пріобрѣла Владиміръ съ вліяніемъ на Новгородъ. Положимъ, что это пріобрѣтеніе могло еще быть утрачено, но въ Исторіи Государствъ важно начало, заведеніе. Посмотримъ, что будетъ далѣе.

Іоаннъ, снискавшій вполнѣ довѣренность Хана своими услугами, исходатайствовалъ себѣ званіе управителя, или обязанность доставлять оброкъ Русскій прямо въ Орду, — важное благодѣяніе Московскаго Князя для всей Сѣверовосточной Россіи, которая отселѣ не была разоряема баскаками. Іоаннъ во всю жизнь свою сохранилъ эту довѣренность, безпрестанно ѣздилъ въ Орду, возя туда сыновей, исполняя всѣ порученія Ханскія противъ Пскова, Смоленска, осыпая дарами Вельможъ, доставляя исправно данъ Хану, который радъ былъ такому вѣрному слугѣ, и не помышлялъ, что его Москва, непримѣтно усиливаемая, прославляемая, возвыситъ скоро свою главу и надъ Ордою. Калита, — характеристическое прозваніе, — собирая для Хана, не забывалъ и себя, разбогатѣлъ безъ сравненія съ другими Князьями Русскими, накупилъ себѣ множество селъ во всей Россіи, цѣлые города, Бѣлозерскъ, Галичъ, Угличъ, и оставилъ сокровища своимъ дѣтямъ. Первенство Москвы упрочено.

Но силенъ, богатъ былъ и Ярославъ, и Боголюбскій, и Всеволодъ! Сіи Князья имѣли

еще гораздо больше владѣній нежели Калита, а наслѣдства ихъ раздѣлились, разошлись по рукамъ, ослабли. Почему же Московское уцѣлѣло? Чѣмъ упрочилъ его Іоаннъ? Развѣ онъ возвысился надъ своимъ временемъ, остановилъ дѣленіе, и назначилъ одного сына единодержавнымъ Государемъ своихъ владѣній? При томъ развѣ Ханъ не могъ отдать Великаго Княженія другому Князю?

Ни того, ни другаго. Іоаннъ раздѣлилъ все свое наслѣдственное и благопріобрѣтенное имѣніе, даже самую Москву, поровну, между тремя сыновьями, а Ханъ могъ отдать кому угодно, Великое Княженіе, о которомъ Іоаннъ не смѣлъ даже упомянуть въ своей духовной, какъ зависящемъ отъ распоряженія Ханскаго.

Такъ чѣмъ же упрочено первенство Москвы? Дѣло состояло въ томъ, кому отдастъ Ханъ Великое Княженіе.

Это правда, — и явились искатели, но никто изъ нихъ не могъ предложить Узбеку такихъ даровъ, не могъ такъ осыпать деньгами вельможъ его, какъ богатый наслѣдникъ Іоанновъ, старшій его сынъ Симеонъ, получившій отъ отца полную калиту, а жадность Монголовъ увеличивалась съ ихъ роскошью и слабостію. Къ тому жь Московскій Князь былъ уже знакомъ въ Ордѣ, имѣлъ связи, надежныхъ покровителей, и въ числѣ правъ своихъ могъ предъявить столько заслугъ своего вѣрнаго рода. Кого могъ

предпочесть Узбекъ? — Такъ и случилось. Симеонъ Московскій получилъ Великое Княженіе, и, имѣвъ прежде равную долю съ братьями, теперь, при полученномъ маіоратѣ, сталъ опять сильнѣе всѣхъ прочихъ Князей. Меньшіе братья разумѣется не смѣли съ нимъ соперничать. Вотъ почему, смѣло сказать можно, что Іоанномъ и его калитою упрочено первенство Москвы. Знаменитость ея увеличивается, и Симеонъ, покровительствуемый Ордою, продолжаетъ говорить языкомъ гордымъ, такъ что всѣ Князья прозываютъ его по этому качеству, неизвѣстному его предкамъ въ этомъ смыслѣ, а самъ себѣ онъ даетъ титло Князя всея Руси.

Но новая, или лучше сказать, старая опасность угрожаетъ Москвѣ. Въ свою очередь, число собственныхъ Князей ея умножается: у Симеона было семь сыновей, у Іоанна двое, у Андрея трое. Вотъ на сколько частей должна вскорѣ раздробиться ея область, вотъ во сколько кратъ она должна обезсилѣть, и одинъ Владиміръ, даже безъ семейственныхъ ссоръ, при постоянной благосклонности Хановъ, не можетъ тогда сдѣлать значительнаго перевѣса противъ прочихъ Княженій, озлобленныхъ на Москву за ея высокомѣріе.

Черная смерть, обошедшая съ губительной своей косою всю Европу, достигаетъ тогда Россіи, и въ короткое время изъ всѣхъ Князей Московскихъ остаются только два

отрока: Димитрій, сынъ Іоанна Іоанновича, и Владиміръ, сынъ его брата Андрея.

Теперь-то именно новая опасность Москвѣ. Какъ младенцу Дмитрію получить себѣ въ Ордѣ Великое Княженіе?

И въ самомъ дѣлѣ Димитрій Константиновичь Суздальскій, старшій потомокъ Ярослава II, достаетъ ярлыкъ на Великое Княженіе, и пріѣзжаетъ во Владиміръ, обрадованной возращеніемъ потерянной почести. Упала Москва?

Нѣтъ! Въ Ордѣ начались, какъ будто въ урочный часъ, ужасныя междоусобія, Ханы рѣзались, одинъ ежеминутно смѣнялъ другаго, и подданные не знали, кого называть имъ своимъ властителемъ. Бояре Московскіе рѣшились воспользоваться этими обстоятельствами, рѣшились отстоять за своимъ Княземъ Великое Княженіе; собственная ихъ выгода того требовала. Старожилы Московскіе, слуги Калиты и двухъ сыновъ его, они подобно Москвѣ, теряли свою значительность, свои выгоды, съ возшествіемъ на престолъ Великаго Княженія иного Князя, который разумѣется приводилъ съ собою своихъ собственныхъ Бояръ. Разсчетъ ихъ былъ вѣренъ: во всякомъ случаѣ теряли они не много, безъ сравненія съ выигрышемъ. Намѣреніе ихъ удалось: они выгнали Димитрія Константиновича изъ Владиміра, и выхлопотали другой ярлыкъ у другаго изъ воевавшихъ между собою Хановъ.

явное доказательство усиленія Москвы, которая дѣйствовала при этомъ случаѣ уже въ лицѣ цѣлаго сословія, ей принадлежащаго, независимо отъ Князя.

Во время малолѣтства Димитрія Бояре управляли Княженіемъ, и, осмѣлившись спорить съ Ордою, поступали еще произвольнѣе съ удѣльными Князьями, звали ихъ судиться къ себѣ, отнимали и раздавали области, приучали, такъ сказать, повиноваться Москвѣ, — однимъ словомъ, поступали такъ какъ поступаютъ обыкновенно посредники власти, какъ никогда не помыслилъ бы поступать съ Князьми равный, свой-братъ Князь. — Московская политика была развита, опредѣлена этою достопамятною аристократіею, и Димитрій, возмужавъ, получилъ такъ сказать готовыя правила, которымъ, по своему благоразумію, онъ и началъ слѣдовать неукоснительно ко благу Россіи. Рязань, Тверь, Новгородъ, смирены. Мысль объ могуществѣ Москвы распространяется повсемѣстно. Ни одинъ Князь не можетъ уже спорить съ нею. При Димитріѣ въ Новгородскій походъ находилось множество Князей, болѣе или менѣе подчиненныхъ ему: Серпуховской, Суздальскіе, Ростовскіе, Ярославскій, Моложскій, Бѣлозерскій, Кашинскій, Стародубскій, Брянскій, Смоленскій, Новосильскій, Оболенскій, Торусскій. Сила придаетъ смѣлости, и Димитрій, видя безпрерывные раздоры въ Ордѣ, рѣшился воспользоваться ими, попытаться свергнуть иго, созвалъ всѣхъ союзныхъ и подчиненныхъ

себѣ Князей, и нѣсколько разъ оказавъ свое непослушаніе, наконецъ выступилъ съ войсками, чтобъ встрѣтить Мамая, и на Куликовѣ полѣ одержалъ первую блистательную побѣду надъ его многочисленнымъ ополченіемъ. — Слава осіяла Москву. Она подала первый примѣръ возстанія, и молва благороднаго подвига распространилась по всей Россіи. Сочувствіе, любовь, возбудились во всемъ народѣ Русскомъ. Хотя вскорѣ послѣдовало новое нападеніе Монголовъ, но первый опытъ былъ сдѣланъ, возможность доказана, надежда возникла въ сердцахъ: во всѣхъ грамотахъ Князья начали вставлять „а если избавитъ насъ Богъ отъ Орды."

Димитрій ступилъ еще иной шагъ къ усиленію Москвы, шагъ необыкновенный въ Исторіи Россіи, на который не рѣшался ни одинъ изъ Великихъ Князей. Онъ постановилъ, чтобы сынъ ему наслѣдовалъ; заставилъ при себѣ своего брата признать это новое право: дядя назвалъ племянника старшимъ братомъ, и обѣщался не искать Великаго Княженія, въ противность прежнему уставу, по которому наслѣдовалъ старшій въ родѣ. Положимъ, что это право исполнялось не безъ спора, покрайней мѣрѣ оно завелось, въ народѣ утвердилась мысль о законномъ преемствѣ Московскихъ Князей, мысль принесшая въ скоромъ времени свои плоды. Димитрій раздѣлилъ владѣнія шести сыновьямъ, съ предпочтеніемъ однако старшаго; великое Княженіе, о которомъ не смѣли упоминать его

предшественники, предоставляя назначеніе Монголамъ, завѣщалъ онъ прямо своему сыну Василію. Такую силу и власть сознавала въ себѣ Москва.

Василію Димитріевичу не было уже соперниковъ при вступленіи на Престолъ Великокняжескій. Меньшіе братья даже по одной молодости (старшему было 15 лѣтъ) не могли оспоривать отеческаго распоряженія.

Старая Аристократія, окружавшая Донскаго, имѣла еще случай оказать Москвѣ много важныхъ услугъ, руководствуя юнымъ Василіемъ. Онъ былъ принятъ въ Ордѣ почти какъ союзникъ, и получилъ отъ Тохтамыша, готовившагося къ войнѣ съ славнымъ Тамерланомъ и желавшимъ имѣть его на своей сторонѣ, Нижній, Городецъ, Мещеру, Торусу, Муромъ. Владѣнія Москвы далеко распространились на Востокъ. Непокорность Торжка наказана неслыханными карами: 70 человѣкъ бояръ и купцовъ привезено въ Москву и казнено. Новгородъ и Псковъ принуждены слушаться. Вологда, Бѣжецкой-верхъ отдѣлены отъ Новагорода, Ростовъ присоединенъ совершенно къ Москвѣ, и Князья его разсылаются Намѣстниками въ другіе города. Монголы были не ужасны: Тамерланъ и Едигей были послѣдними призраками, устрашившими Москву только на время; Василій платилъ дань не исправно, и даже по нѣскольку лѣтъ сряду вовсе не платилъ ея. Туча восточная, Монгольская, начала раз-

сѣяваться; но другая туча, съ Запада, Литовская, приближалась болѣе и болѣе: Гедиминъ овладѣлъ древнею Югозападною Русью, Олгердъ, сынъ его, довершилъ это завоеваніе, и подбѣгалъ къ Москвѣ при Димитріѣ, а Витовтъ, племянникъ, взявъ Смоленскъ, простирая жадную руку надъ Новымгородомъ и Псковомъ, обрывая Тверское Княженіе, угрожалъ самой Москвѣ.

Еще болѣе — Витовтъ, помогая Тохтамышу противъ Тамерлана, выговаривалъ себѣ у него Москву, — вотъ на какомъ волоскѣ она висѣла, — въ случаѣ побѣды, но Богъ этой побѣды имъ не далъ.

Впрочемъ Василій, тѣснимый имъ болѣе и болѣе, принужденъ былъ согласиться на миръ, по которому Угра, во 100 верстахъ отъ Москвы, была уже границею съ запада.

Однако изъ пограничныхъ городовъ съ этой стороны пришелъ къ Василію цѣлой полкъ Бояръ и Князей, привлеченныхъ славою Москвы.

Василій Димитріевичь имѣлъ къ счастію только одного сына, Василія же, которому и отдалъ сполна все свое владѣніе; тяжело было ему оставить этого младенца, видя надъ его Москвою уже распущенныя когти хищныхъ враговъ; тяжело было, Витовта, отъ котораго только что онъ самъ уберегъ Москву, назначить покровителемъ внука, но дѣлать было больше нечего, какъ предаваться во власть Божію.

При этомъ Василѣ Москва должна была выдержать послѣднее, самое тяжелое испытаніе. Она была окружена со всѣхъ сторонъ опасностями, и теперь еще страхъ беретъ за нее, когда мы обозрѣваемъ оныя.

Василій былъ только десяти лѣтъ отъ роду.

Тѣхъ достойныхъ думныхъ Бояръ, которые спасли Москву въ малолѣтство Донскаго и Василія, уже не было, а оставшихся лѣтописатели единогласно обвиняютъ въ малодушіи и неразуміи.

Василій имѣлъ родныхъ дядей, которыхъ не было у его предшественниковъ, дядей властолюбивыхъ, дѣятельныхъ, способныхъ, показавшихъ еще отцу его свое нерасположеніе къ новому уставу о наслѣдствѣ.

А что скажутъ враждебныя Тверь и Рязань, которыхъ едва удерживала доблесть Донскаго и его сына? Что скажетъ безпокойный Новгородъ, не пропускавшій ни одного благопріятнаго случая безъ покушенія освободиться отъ власти Московской? А старый, жадный Витовтъ? А Монголы? А Удѣльные Князья, которые опять размножились?

Сколько враговъ природныхъ, закоренѣлыхъ! Не должны ли всѣ они броситься на осиротѣлую безпомощную Москву, одни чтобъ отомстить за старое зло ея, другіе чтобъ обогатиться ея сокровищами, третьи

чтобъ распространить свои владѣнія на счетъ ея, четвертые чтобъ свергнуть ея иго? Какого времени ожидать имъ для себя благопріятнѣе! — Что, если они еще соединятся! Какъ можетъ выйти Москва изъ такого критическаго положенія? Не должны ли мы теперь еще трепетать за нее? Кто спасетъ ее!

Богъ, тотъ Русскій Богъ, который хранилъ ее до сего времени, и чудесно избавлялъ отъ всѣхъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Опасности могли случиться, но не случились.

Въ Литвѣ вскорѣ умеръ Витовтъ (1430), только что начавшій непріязненныя дѣйствія противъ Пскова и Новагорода, и съ нимъ померкла слава Литовская. Преемники не имѣли его доблестей, и начали междоусобныя войны, среди которыхъ имъ нѣкогда было думать о Москвѣ. Вниманіе ихъ болѣе устремлено было на Западъ, на Польшу.

Тверскіе Князья по смерти Михаила (1399), врага Донскому, все еще ссорились между собою только о Твери.

Рязань послѣ Олега (1402) не могла предпринимать ничего, подъ управленіемъ Князей слабыхъ.

Въ Новѣгородѣ не было еще Мараы Посадницы.

Монголы послѣ нѣсколькихъ хищническихъ побѣговъ дрались между собою больше и больше, такъ, что опустошенная Орда имѣла вдругъ по нѣскольку Хановъ.

Изъ Удѣльныхъ Князей умерло еще много при возвратившейся моровой язвѣ.

Слѣдовательно всѣмъ врагамъ Московскихъ Князей было много дѣла дома, и Москва была предоставлена самой себѣ: Василію осталась только одна опасность отъ родныхъ дядей. Опасность эта была велика, ибо Юрій Дмитріевичъ былъ властолюбивъ, а при дворѣ юнаго Василія не кому было противостать ему. Хотя одинъ членъ старой Аристократіи, бояринъ Иванъ Дмитріевичъ, умѣлъ отстоять въ Ордѣ Великое Княженіе за малолѣтнымъ своимъ Княземъ, но дядя Василіевъ не послушался ярлыка Ханскаго, устремился на Москву, которую считалъ основою желаемаго могущества. (Владиміръ лишился непримѣтно своей знаменитости, и объ немъ не думали сами искатели. Василій возведенъ былъ на престолъ уже въ Москвѣ, а не Владимірѣ). Отпора достаточнаго имъ не сдѣлано. Городъ взятъ, Василій плѣненъ. Юрій съ своими сыновьями объявляетъ себя Великимъ Княземъ, и изъ милости даетъ Василію Коломну.

Преемство Донскаго нарушено, старшая линія отстранена, и раздоръ, погубившій всѣ прежнія знаменитыя Княженія, угро-

жаетъ Московскому Княженію въ будущемъ времени, а теперь что дѣлать юному Василію, не надѣленному отъ природы способностями, по мнѣнію нашихъ Историковъ, и безъ достойныхъ Бояръ, совѣтниковъ и помощниковъ? Гдѣ искать помощи?

Теперь Москва стала сама за себя. Она не хочетъ повиноваться Юрію, и народъ, Бояре, купцы и простолюдины, спѣшатъ въ Коломну, къ своему законному Князю. Юрій остается одинъ, какъ будто въ пустынѣ. Побѣдитель, онъ долженъ былъ уступить побѣжденному, слабому юношѣ, и отказаться отъ Великаго Княженія. Вотъ уже какъ укрѣпился новый порядокъ вещей и какая приверженность къ нему возродилась! Вотъ уже какая обнаружилась преданность къ роду Великокняжескому! — Однакожъ Юрій и его сыновья чрезъ нѣсколько времени возобновили свои покушенія, но тщетно занимали они нѣсколько разъ Москву, побѣждали нѣсколько разъ Великаго Князя, брали въ плѣнъ его, ослѣпили его, лишали его пристанища, такъ что дѣти его младенцы (будущій Великій Іоаннъ) скитались по селамъ, укрываясь отъ своихъ враговъ, — ни что не одолѣло Москвы. Она перенесла, преодолѣла все, вышла изъ боя не только цѣлая и невредимая, но еще увеличенная всѣми владѣніями Князей, возстававшихъ на нее, большею частію удѣловъ Московскихъ, такъ, что это междоусобіе было уже послѣднимъ.

Василій объявилъ 10-лѣтняго сына Іоанна соправителемъ. Онъ стѣснилъ Новгородъ болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Рязань, оставшаяся съ однимъ малолѣтнимъ Княземъ, воспитывавшимся въ Москвѣ, совершенно отъ него зависѣла. Всѣ города Суздальскаго Княженія были очищены отъ остальныхъ Князей. Вятка подчинена. Новгородъ и Псковъ имѣли намѣстниковъ; ни одинъ городъ не могъ состязаться съ Москвою; Монголамъ платилась дань, только изрѣдка.

Въ такомъ видѣ оставилъ Василій Московское Княженіе старшему сыну своему Іоанну, которому предоставлено было судьбою довершить дѣло всѣхъ прежнихъ Московскихъ Князей — увѣнчать труды своихъ предковъ.

Замѣчательно, что всѣ тѣ опасности, которыя могли грозить отцу его при вступленіи на престолъ и прошли тогда мимо, теперь собрались было на Москву, впрочемъ порознь, — но Москва была уже въ такихъ силахъ, что могла встрѣтить ихъ смѣло и употребить въ свою пользу.

Новгородъ рѣшился отложиться отъ Москвы подъ предводительствомъ Маѳы Посадницы, и признать владычество Литвы. — Іоаннъ долженъ былъ покорить его непремѣнно, и покорилъ, вмѣстѣ со всею обширною его областію. Страна Двинская, Вологда, Вятка, Пермь утверждены за Моск-

вою. Тверь между ею и Новымгородомъ не могла сохранить своей независимости. Братья, не получая участія въ завоеваніяхъ, досадовали, переговаривались съ Литвою, и лишены были за то всѣхъ своихъ городовъ, съ которыми впрочемъ ничего и предпринимать не могли. Остальные удѣлы правдою и неправдою взяты. Единовѣрные Князья Югозападной Россіи, почти вплоть до Кіевскаго Княженія, притѣсняемые Польскими Католиками, поддаются Іоанну. Казань покорена, и намѣчено господство надъ Сѣверозападною Сибирью. Монголы собираются на Москву, подъ предводительствомъ Ахмата, но устрашенные отступаютъ отъ Угры бороться съ единоплеменникомъ своимъ, Крымскимъ Менгли-Гиреемъ, союзникомъ Іоанна, и наше иго прекращается. Іоаннъ вступаетъ въ бракъ съ послѣднею отраслію Греческихъ Императоровъ, Царевною Софіей, которая сообщаетъ Великому Князю идею Царя; образуется дворъ, принимается гербъ и титулъ. Княженіе, помѣстье, стало Государствомъ, удѣльной городъ Столицею, Москва Россіей!

Вотъ краткое обозрѣніе произшествій, составляющихъ особенную Исторію Москвы.

Разсматривая ихъ внимательно, не знаешь, чему удивляться болѣе: этому ли естественному, постепенному ихъ ходу, въ которомъ одно изтекало кажется изъ другаго,

или тѣмъ неожиданнымъ посторонним событіямъ, которыми заботливо отклонялись всѣ опасности, несчастія, угрожавшія имъ помѣхою, въ которыхъ какъ будто чувствуешь движеніе высшей Десницы, ведшей Москву, а въ ней и всю Россію отъ самаго рожденія къ великой цѣли.

Говорятъ обыкновенно: покровительство Монголовъ возвысило Москву. Это правда, но вникнемъ глубже.

Димитрій пошелъ войною на Монголовъ въ 1380 году, слѣдовательно дружественныхъ отношеній уже тогда не было, а это случилось только чрезъ сорокъ лѣтъ послѣ Калиты. Самое возшествіе на престолъ Димитрія было противъ воли Хана, отдававшаго въ 1359 году Великое Княженіе другому Князю,— слѣдовательно покровительство могло продолжаться передъ тѣмъ только лѣтъ тридцать. Еще болѣе — Симеонъ и Іоаннъ получали Великое Княженіе какъ бы по откупу, потому что никто не могъ дать больше ихъ, и притомъ никто не былъ надежнѣе для Хановъ по своей вѣрности и преданности, и вотъ мы при 12-лѣтнемъ Княженіи Калиты. А Калита пользовался покровительствомъ за свою службу, за успокоеніе Хана, наказаніе Твери, выгодное управленіе. И онъ не могъ поступать иначе, потому что отъ такого образа дѣйствія зависѣли его личныя, очевидныя выгоды. Что же произвело нужду въ услугахъ Калиты? Бунтъ Твери, къ ко-

торому она была вынуждена хищными Монголами; и такимъ образомъ мы дойдемъ до встрѣчи Московскаго Князя съ Тверскимъ въ Ордѣ, до гнѣва Димитрія, до жестокосердія и властолюбія Георгія, до свойствъ, которымъ подобныя встрѣчались на всякой страницѣ нашей древней Исторіи, то есть, мы дойдемъ до тѣхъ тонкихъ жилокъ, до тѣхъ волосяныхъ трубокъ, которыми въ нѣдрахъ высокихъ горъ зачинаются Нилъ, Волга, Дунай, Миссисипи, и скажемъ съ благоговѣніемъ: пути Провидѣнія неисповѣдимы. Такъ должно было.

А съ другой стороны — не чудесно ли стеклись обстоятельства, чтобъ погубить несчастную Тверь, естественную соперницу Москвы? Какъ кстати отличался бережливостію Калита! Пришла же моровая язва, когда размножились Князья въ Московскомъ Княженіи, еще не утвердившемся въ своихъ силахъ! Наступили же междоусобія у Монголовъ, въ малолѣтство Димитрія, и случились твердые, умные Бояре, которые умѣли ими воспользоваться! Современникомъ Витовту родился Василій. Москва возмужала ко времени Княженія Темнаго. Въ какое благопріятное время умеръ дядя его Юрій!

И вотъ что достопримѣчательно: всѣ болѣзни насылались на Москву не вдругъ, а какой-то чередой, когда уже готовы для нихъ были врачеванія, — какъ будто бы только для ея вразумленія, указанія, воспитанія: сыновья Даніиловы боролись съ Тверью;

Донской съ Монголами и Удѣльною системою; отъ Литвы берегъ Василій; на долю Темнаго достались послѣдніе Удѣльные Князья. Іоаннъ воевалъ послѣдовательно съ Новымъгородомъ, Тверью, Литвою и Ордою.

Не мѣсто обозрѣвать здѣсь слѣдующую Исторію Москвы, ибо она есть уже Исторія Россіи, которую долго наши лѣтописцы называли Московскимъ Государствомъ, а иностранцы еще долѣе Московіей. Такъ. Всѣ нынѣшнія владѣнія Россіи, коими прикасается она къ Океану восточному и сѣверному, морямъ Балтійскому и Черному, Бѣлому и Каспійскому, суть пріобрѣтенія, или лучше сказать приращенія Москвы. Вступивъ послѣ всѣхъ городовъ на сцену Исторіи, послѣ Новагорода и Кіева, Смоленска и Чернигова, Владиміра и Суздаля, Рязани и Твери, она возвысилась надъ ними, снискала первенство, избавила отъ власти иноплеменниковъ, и потомъ приняла ихъ въ свои предѣлы, какъ мы отчасти видѣли. Москва была зерномъ, изъ коего произрасло великое древо Россійской Имперіи. Это Волга, употреблю другое сравненіе, которая вышедъ изъ темени Алаунскихъ горъ, долго таится неизвѣстнымъ потокомъ, принимаетъ въ себя окружные ручьи и рѣчки, мало по малу восполняется ими въ длинномъ своемъ теченіи, и становится огромною рѣкою, коей покорно несутъ дани Ока и Кама съ ихъ обширными системами.

Ставъ средоточіемъ Россіи, Москва видѣла въ древнихъ стѣнахъ своихъ всѣ великія произшествія, рѣшавшія судьбу Отечества, или прославлявшія оное: въ Москвѣ утвердилась независимость Государства на двухъ краеугольныхъ камняхъ, единодержавіи и самодержавіи; въ Москвѣ жилъ Грозный, Москва низвергла Самозванца, спасеніемъ Москвы во время Польскихъ смутъ спаслася вся Россія. Москва избрала новаго Царя, долженствовавшаго успокоить Отечество. Москва избавила отъ ига иновѣрцевъ священный Кіевъ и родную Малороссію! Въ Москвѣ дано уложеніе Рускому народу, „чтобъ Московскаго Государства всякихъ чиновъ людямъ отъ большаго и до меньшаго чина, судъ и расправа были во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равны.“ Въ Москвѣ уничтожено мѣстничество, въ Москвѣ родился Петръ Великій...

И его временемъ оканчивается царственный ея періодъ.

Юный Царь, воспитанный иностранцами, воспламененный ихъ разсказами объ Европѣ, положилъ преобразовать Отечество могучей своею волею — его нововведенія не могли однако же приняться на Московской почвѣ, которая произрастила свои собственныя древа, глубоко пустившія корень, недопускавшія цвѣсти иноземнымъ растеніямъ подъ своею густою сѣнію. Онъ долженъ былъ искать нови, какъ всѣ преобразователи, — желанія его стремились къ западу, и орлиный

взоръ остановился на одномъ углу, въ глубинѣ Финскаго залива. Тамъ, по выраженію безсмертнаго поэта,

. . . . . . юный градъ
Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво. —
. . . .
И передъ младшею Столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ юною Царицей
Порфироносная вдова.

Петръ думалъ о будущемъ, а Москва представляла Ему только свое монументальное прошедшее, притомъ она соединялась въ Его воспоминаніи съ Стрѣльцами, Раскольниками, Софіей: Онъ оставилъ Москву, и все вниманіе, всю любовь обратилъ на свое созданіе, на юный Петербургъ, на милаго своего Веніамина, — но покинутому Іосифу Провидѣніе часто представляло еще случай утѣшать и спасать всего Израиля.

Такъ въ великую годину войны народной, когда геній-побѣдитель всей Европы замыслилъ увѣнчать въ Москвѣ свои двадцатилѣтніе подвиги, предписать законы Россіи, и утвердить владычество надъ всѣмъ свѣтомъ, старая Москва возстала, потрясла своими вѣковыми столпами, и двадесять языкъ, приведенныхъ исполиномъ отъ всѣхъ концовъ земли именно для ея покоренія, пали подъ ея

священными развалинами, и огненное зарево ея пожара освѣтило спасеніе царствъ и народовъ, Европейскую свободу, новый порядокъ вещей, новую эру въ исторіи человѣчества. Вотъ славнѣйшее изъ воспоминаній Кремлевскихъ, какъ сказалъ нашъ великій Карамзинъ.

Впрочемъ Москва, переставъ быть средоточіемъ исторіи со временъ Петра Великаго, осталась средоточіемъ Русскаго могущества, просвѣщенія, языка, литературы, промышленности, торговли, вообще Русской національности. Петербургъ, согласно съ мыслію своего основателя, своимъ положеніемъ, согласно даже съ своимъ именемъ, есть городъ Европейскій: въ наружности, образѣ жизни, образѣ мыслей, характерѣ, онъ носитъ явственный отпечатокъ чужихъ краевъ. Москва сохраняетъ еще свою національность, со всѣми ея добродѣтелями, и, если угодно, недостатками. Вотъ почему она сроднилась со всѣмъ отечествомъ, вотъ почему она можетъ назваться представительницей Святой Руси. Вотъ почему всякой Русскій питаетъ сыновнее благоговѣніе къ этому первопрестольному граду своихъ предковъ. Здѣсь святыня Отечества, здѣсь почиваютъ Великіе Угодники и Чудотворцы, теплыми своими молитвами заступники родины предъ престоломъ Вышняго. Здѣсь покоятся тлѣнные останки великихъ основателей и благодѣтелей Россіи. Здѣсь памят-

ники всѣхъ важныхъ событій. Здѣсь Цари принимаютъ вѣнецъ свой и клянутся блюсти Уставы отечества. Здѣсь вѣрный народъ ихъ въ эту великую минуту молится за Ихъ благополучное царствованіе. Словомъ, здѣсь земля историческая, здѣсь Русскій духъ въ очью совершается. Вотъ почему, въ важныя и рѣшительныя эпохи, Русская преданность Вѣрѣ, Государю, Отечеству, являются въ Москвѣ во всемъ своемъ блескѣ и величіи. Если Петербургъ называется главою Россіи, то Москва безъ сомнѣнія есть ея сердце, — сердце горячее, пылающее любовью къ Отечеству, которое живо бьется при всякой его радости, которое тяжко ноетъ при всякомъ бѣдствіи, которое готово на всякія пожертвованія, на труды и болѣзни, на раны и смерть, для его счастія, которое свято дорожитъ его славою, и которое пламенно, искренно любитъ добрыхъ, великихъ Царей, посылаемыхъ ей Богомъ.

Но за чѣмъ я началъ это нравственное изображеніе Москвы? Великому Князю, для котораго я имѣю счастіе писать эту записку, откроется она сама. Когда ИМПЕРАТОРСКІЙ флагъ на Кремлевскомъ Дворцѣ возвѣститъ Его прибытіе, когда большой Успенской колоколъ начнетъ свой торжественный благовѣстъ, и Царская площадь покроется тьмочисленнымъ православнымъ народомъ, и единодушное *ура!* грянетъ громомъ при видѣ вожделѣннаго Державнаго Первенца Москвы, пусть Онъ всмотрится въ эти лица,

пусть Онъ вслушается въ эти звуки: Онъ услышитъ въ нихъ, Онъ прочтетъ въ нихъ, яснѣе всѣхъ лѣтописей, нашу Исторію; Онъ постигнетъ по нимъ вѣрнѣе всѣхъ статистическихъ выкладокъ тайну Русскаго могущества, Онъ узнаетъ въ эту великую минуту откровенія, что такое Москва, что такое Русскій человѣкъ, что такое Святая Русь; предъ Нимъ разоблачится ея безконечное будущее, Его высокое предназначеніе, и юное, чистое, добродѣтельное сердце Его насладится такими чувствованіями, какихъ выше, священнѣе нѣтъ для Царей на этомъ свѣтѣ.

Михаилъ Погодинъ.

1837.
Іюля 19 го.